

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 130.2: 004:32.019.5

EDN: OBVOES

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-14

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Технологическое противостояние XXI в. представляет собой полноценную войну нового типа, которая несет в себе ряд беспрецедентных антропологических рисков. Полному пересмотру подлежат способы идентичности человека, построения его карьерной, социальной и личной жизни, хранения и защиты персональных данных и многие другие параметры, которые в совокупности полноценно определяют человека в социуме. Цель исследования – раскрытие и анализ антропологических рисков, обусловленных технологической войной как перспективным направлением межгосударственного противоборства в рамках войны нового поколения. *Материалы и методы.* В основу настоящего исследования был положен антропологический анализ. С его помощью были рассмотрены антропологические риски, которые порождает технологическая война в цифровом пространстве, а также изучены их последствия, уже наступившие и предполагаемые в будущем. Также были использованы философско-культурологический метод и сетевой подход. *Результаты.* Рассмотрено антропологическое измерение технологической войны, т.е. ее гуманitarное, а не сугубо техническое, измерение. Отмечены характеристики новой идентичности современного человека, в которой обязательным элементом становится цифровой аспект. Раскрыты новые критерии неравенства, усугубляющим фактором становится технологическая отсталость, которую человек не сможет преодолеть, находясь на «цифровой периферии». *Выводы.* Технологическая война поднимает сразу несколько вопросов, поиск ответов на которые позволит современному человеку успешно адаптироваться к происходящим в цифровую эпоху изменениям. Новая этика, цифровая и культурная гигиена помогут человеку найти сбалансированный вариант адаптации. Человек – продукт независимого развития национального государства, именно поэтому в первую очередь ориентированность на привычные (культурно обусловленные) модели поведения и вместе с тем повышение цифровой вовлеченности и грамотности позволяют повысить адаптационный потенциал личности в эпоху тотальной цифровизации.

Ключевые слова: человек, природа, противостояние, трансформация, технологии, развитие, адаптивность, независимость

Для цитирования: Ковалев А. А. Антропологические риски цифровой эпохи: технологическая война // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 144–154. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-14 EDN: OBVOES

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Original article

THE ANTHROPOLOGICAL RISKS OF THE DIGITAL AGE: THE TECHNOLOGICAL WAR

Andrey A. Kovalev

North-Western Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. *Background.* The technological confrontation of the 21st century is a full-fledged war of a new type, which carries a number of unprecedented anthropological risks. The methods of a person's identity, building his career, social and personal life, storing and protecting personal data, and many other parameters that together fully define a person in society are subject to complete revision. The purpose of the study is to reveal and analyze the anthropological risks caused by technological warfare as a promising area of interstate confrontation within the framework of the new generation war. *Materials and methods.* The present study is based on an anthropological analysis. With its help, the anthropological risks posed by the technological war in the digital space were considered, as well as their consequences, which have already occurred and are expected in the future. The philosophical and cultural method and the network approach were also used. *Results.* The anthropological dimension of technological warfare is considered, that is, its humanitarian, rather than purely technical, dimension. The characteristics of the new identity of a modern person are noted, in which the digital aspect becomes an indispensable element. New criteria of inequality are being revealed, and technological backwardness, which a person cannot overcome while on the «digital periphery», is becoming an aggravating factor. *Conclusions.* The technological war raises several questions at once, the search for answers to which will allow a modern person to successfully adapt to the changes taking place in the digital age. New ethics, digital and cultural hygiene will allow a person to find a balanced adaptation option. A person is a product of the independent development of a nation-state, which is why, first of all, focusing on habitual (culturally conditioned) behaviors and, at the same time, increasing digital engagement and literacy will increase the adaptive potential of the individual in the era of total digitalization.

Keywords: man, nature, confrontation, transformation, technology, development, adaptability, independence

For citation: Kovalev A.A. The anthropological risks of the digital age: the technological war. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):144–154. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-14

Введение

В последние несколько лет качественно изменились способы ведения международного соперничества, поскольку в этот период произошли серьезные трансформации, среди которых преобразование цифровых платформ, распространение влияния искусственного интеллекта, биотехнологий, автоматизированных систем и новых средств коммуникации. Тем самым можно констатировать, что современное межгосударственное противоборство определяется борьбой за ресурсы цифрового мира, которые представлены контролем над инфраструктурой, обработкой данных, созданием и внедрением ключевых технологических стандартов.

Развитие технологической сферы затрагивает не только область экономики и безопасность, но и антропологическую сферу. Это воздействие проявляется в том, что усиливается влияние цифровых технологий на повседневные решения, социальное поведение, профессиональные стратегии, а также формы коллективной и индивидуальной ответственности. В результате

отмечается изменение структуры мышления и способов участия в общественной жизни, на основании чего актуализируются вопросы переоценки личных ориентиров и границ личной свободы [1, р. 529].

Использование технологических достижений против человека, его природы и свободы позволяет говорить о том, что в настоящее время развязана технологическая война в рамках войны нового поколения, получившей название «гибридной» и затронувшей антропологические аспекты [2, с. 8]. Современный этап характеризуется недостаточностью и неполнотой разработок в сфере проблемы влияния технологических достижений на человеческое существование, а также необходимостью выявить и преодолеть скрытые угрозы в управлении социальной и индивидуальной жизнью. Особое значение приобретает изучение моральных дилемм, связанных с применением автоматизированных решений, контролем поведения и неравномерным доступом к ресурсам цифрового общества.

Цель исследования – раскрытие и анализ антропологических рисков, обусловленных технологической войной как перспективным направлением межгосударственного противоборства в рамках войны нового поколения.

Технологическая война рассматривается в качестве многоуровневого процесса, поскольку в нем одновременно взаимодействуют технические, политические и культурные аспекты жизнедеятельности, а также наличествуют факторы, влияющие на человеческое поведение и социальную организацию в цифровую эпоху.

Материалы и методы

В статье рассматривается технологическая война как закономерное следствие распространения глобализационных тенденций и беспрецедентного технологического развития человечества в XXI в. При этом межгосударственная технологическая зависимость создает множество рисков антропологического характера: от цифрового неравенства различной природы до несамостоятельности ряда государств при определении своего цифрового статуса и его контроле. Таким образом, соперничество в сфере новейших технологий и их абсолютная ценность как признака процветания и прогресса представляют новую форму войны, порождающей сложнейшие антропологические риски.

В первой части исследования технологическая война рассматривается как новый вид противоборства с присущими ему особенностями. Далее раскрывается механизм влияния цифровизации на антропологические основания, анализируются место человека в сетевом пространстве, а также способы и результаты его адаптации. Также отмечается, что с развитием цифрового пространства и его возможностей появились новые формы власти и контроля, которые только усугубили уже имеющиеся социальные противоречия, а также вторглись в сферу культурного пространства и продемонстрировали потенциал ее переформатирования.

В основу настоящего исследования был положен антропологический анализ. С его помощью были рассмотрены антропологические риски, которые порождает технологическая война в цифровом пространстве, а также изучены их последствия, уже наступившие и предполагаемые в будущем. Также были использованы философско-культурологический метод и сетевой подход.

Основная часть

Эпоха цифровизации затрагивает все сферы жизнедеятельности, в том числе и военно-политическую. Это означает, что меняется характер войны преимущественно за счет использования невоенного инструментария с военными целями, среди которых захват, контроль, доминирование. Так, технологии перестают быть просто инструментом развития человечества и улучшения качества его жизни, они получают статус средства глобального соперничества.

В трудах Карла фон Клаузевица («О войне» [3]), Томаса Гоббса («Левиафан» [4]) и ряда последователей классической политической философии война трактовалась как кульминация конфликта между государствами или сообществами, результатом которого становились захват территории, ресурсов, статуса. В XXI в., который является эпохой цифровизации,

противостояние выходит за пределы материального пространства. Борьба за установление новой мировой системы в глобальном пространстве продолжается, однако она отличается от традиционных моделей, поскольку соперничество государств и корпораций за формирование нового баланса сил происходит с использованием, в частности, доступных государствам мер по ограничению экспорта высокотехнологичных компонентов, созданию альтернативных цепочек поставок, поддержке национальных технологических корпораций и формированию международных альянсов в сфере кибербезопасности [5, с. 166]. Таким образом, глобальное лидерство определяется не борьбой за территории, а возможностью влиять на архитектуру глобальных данных, условия доступа, хранения, передачи и анализа информации. Тем самым эти обстоятельства формируют новые основания международной конкуренции.

В трудах Льюиса Мэмфорда [6], Пола Вирильо [7], Мануэля Кастьельса [8] подчеркивается, что современная война ведется между крупными технологическими платформами, когда происходит соперничество за влияние на управление сложными инфраструктурными системами и массовыми коммуникациями. При этом участниками противоборства становятся не только государства и армии, но и транснациональные корпорации, консорциумы, исследовательские альянсы, а также группы независимых специалистов, находящиеся вне рамок формальных институтов [9, с. 8]. Например, наиболее известными и масштабными случаями соперничества в области цифровых технологий в последние годы являются международные конфликты с участием крупных компаний (Huawei, Google, Microsoft, Samsung), которые были связаны с ограничением доступа к программным продуктам, остановкой сотрудничества или пересмотром лицензионных соглашений.

Современные технологии оказывают все большее влияние практически на все сферы жизнедеятельности, с их помощью появляется возможность формировать архитектуру распределенных платформ, задавать алгоритмы фильтрации и сортировки данных, регулировать порядок взаимодействия пользователей и устанавливать контроль над потоками информации. Как отмечал Бенджамин Брэттон [10], цифровое насилие реализуется не напрямую, а опосредованно – путем закрепления приоритетов в протоколах и навязывания алгоритмов, оказывающих системное воздействие на общественные и экономические процессы. При этом такая деятельность не подпадает под контроль традиционных институтов регулирования.

Технологическая война XXI в. характеризуется усилением соперничества государств и крупных корпораций в сферах искусственного интеллекта, мобильных сетей нового поколения, квантовых и облачных вычислений. При этом преимущество остается на стороне тех игроков, которые способны не только модернизировать и создавать технологии, но и удерживать контроль над ними, так как в этом процессе важны все этапы – от научных исследований до их промышленной реализации и последующего экспорта. В этих условиях особое значение начинают приобретать поддержка национальных производителей, государственное инвестирование в создание научно-технических центров, усиление контроля над передачей ключевых знаний и технологических компетенций за рубеж. По сути, вовлечение государства в этот процесс и обеспечение развития отечественных проектов становится важнейшим вопросом национальной безопасности, частью которой является технологическая безопасность [11, с. 28].

Обстоятельства, связанные с развитием современных форм технологического соперничества, принципиально меняют подходы к пониманию феномена современной войны, которая не связана с территориальными и национальными ограничениями. Подобная трансформация сопровождается размыванием привычных границ между состоянием мира и периодами военного противостояния (обострения конкурентной борьбы), острого соперничества. Такая динамика приводит к необходимости поиска новых инструментов анализа и регулирования отношений, возникающих на стыке технологий, экономики и политики.

Технологическая война обусловлена ростом количества участников такого противостояния [12, с. 9]. Так, в последние годы активно включились в технологическое соперничество университетские лаборатории и региональные ассоциации разработчиков. Например, только в странах Европейского союза по линии альянса GAIA-X реализуется свыше пятидесяти

проектов по созданию независимых облачных платформ. Эти инновационные решения разрабатываются для промышленности, здравоохранения и транспорта, а результаты таких программ формируют новые отраслевые стандарты безопасности и совместимости. В России с 2022 г. в регионах реализованы десятки pilotных решений по внедрению распределенных систем обработки данных, многие из которых впоследствии учитываются при формировании федеральных стратегий цифровой трансформации. В Соединенных Штатах университетские альянсы и лаборатории ежегодно запускают сотни совместных разработок с частными компаниями, и результаты этих работ служат технологическим ориентиром для крупных поставщиков цифровых услуг и банковских платформ.

На фоне роста числа кибератак и новых угроз безопасности большое значение приобретает укрепление горизонтальных связей между университетами, индустриальными центрами и региональными администрациями для внедрения лучших практик и ускоренного масштабирования технологических решений.

Успешные технологические решения и структуры важны не только для обеспечения национальной безопасности, экономического роста, функционирования социальных институтов, но и для сохранения культурного и политического суверенитета. Практика последних лет показала, что государственное финансирование инновационных проектов в самых разных отраслях позволяет формировать новые стандарты надежности и безопасности, ускорять внедрение передовых решений и минимизировать последствия технологических разрывов. Так, в Германии инфраструктура Fraunhofer-Gesellschaft объединяет свыше 75 научно-исследовательских центров, ежегодно реализует более 6 тыс. прикладных проектов в интересах Siemens, Bosch, Deutsche Telekom и других ведущих предприятий. Это позволяет обеспечивать непрерывный трансфер технологий из лабораторий в промышленную сферу¹. В России, по данным Минобрнауки и «Национальной технологической инициативы», к 2024 г. действует свыше 35 центров компетенций по цифровым технологиям, транспортным системам, робототехнике и новым материалам². Они тесно связаны с федеральными программами «Цифровая экономика» и «Развитие научно-образовательных центров мирового уровня», а внедрение их решений в транспортной и энергетической сферах позволяет сокращать сроки перехода от научных исследований к промышленному производству. В этот процесс также активно включены Япония, страны Европы, США, Китай, Южная Корея, результатом становится нарастание мировой технологической конкуренции [13, с. 82].

Технологический суверенитет в настоящее время определяет возможность контролировать критически важные цифровые платформы и инфраструктуры, способные обеспечивать безопасность, экономическую эффективность и независимость в долгосрочной перспективе [14, с. 310]. Технологическое противостояние ведущих мировых игроков наблюдается в самых разнообразных сферах: от усиления конкуренции в области стандартов мобильной связи до внедрения отечественных платформ в образовании и здравоохранении. Для современной России особую актуальность приобретают вопросы успешного применения программ цифрового импортозамещения [15, с. 214]. В этих целях за последние несколько лет внедрены отечественные операционные системы «Астра Линукс» и «РЕД ОС» в госсекторе³. Также усиливается технологическая конкуренция в сфере биотехнологий, использования альтернативных валютных систем, введения национальных центров сертификации для защиты от киберугроз и в прочих областях.

Ведущие международные игроки, обладающие инновационными технологическими решениями и программами, все чаще используют свои возможности для возведения препятствий

¹ Fraunhofer-Gesellschaft – Annual Report 2023. URL: <https://www.fraunhofer.de/en/media-center/publications/fraunhofer-annual-report/annual-report-2023.html> (дата обращения: 30.07.2025).

² Центры компетенции НТИ // Фонд Национальной технологической инициативы. URL: <https://nti.fund/support/centers/> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Минцифры выбрало три российские операционные системы для господдержки. Разработчиков обязуют оптимизировать ПО системы // IXBT.COM.01.11.2022. URL: <https://www.ixbt.com/news/2022/11/01/mincifry-vybraloo-tri-rossijskie-operacionnye-sistemy-dlja-gospodderzhki-razrabotchikov-objazhut-optimizirovat-po-pod.html> (дата обращения: 30.07.2025).

для своих прямых конкурентов. Так, в 2022–2024 гг. Соединенные Штаты, Европейский союз, Япония и Австралия ввели новые пакеты экспортных ограничений в отношении чипов, литографического оборудования и специализированного программного обеспечения для проектирования микросхем. Это решение напрямую затронуло интересы китайских, индийских и российских производителей электроники и затруднило реализацию крупных промышленных программ. Дополнительные трудности в процесс технологического противостояния вносит создание региональных альянсов и консорциумов, каждый из которых сосредоточен на стремлении достичь преимущества в какой-либо конкретной сфере. Так, Южная Корея и Тайвань совместно с Японией инвестируют в развитие независимых производственных линий по выпуску полупроводников, страны ЕС расширяют платформу European Battery Alliance для создания полной цепочки производства аккумуляторов, а Индия и Саудовская Аравия запускают совместные проекты по освоению технологий водородной энергетики. Так формируются автономные техноэкономические блоки, которые способны снижать внешние риски и самостоятельно развиваться в выбранной сфере.

В условиях возрастающей глобальной конкуренции в области технологических производств и решений важно не сводить роль человека к пассивному пользователю или оператору машинных систем. Человек в этой системе сложных и не всегда понятных современных цифровых конфликтов испытывает колоссальное давление, которое затрагивает границы свободы, ответственность за свою жизнь и важность сохранять независимость мышления в автоматизированной среде. Современный человек непосредственно включен в область технологических стратегий. Так, это касается автоматизации городского управления, использования интеллектуальных платформ для построения профессиональных и социальных направлений, распространения персонализированных рекомендаций и адаптивных цифровых сервисов, которые формируют новую картину распределения полномочий и источников влияния. Новые технологии внедрились в жизнь человека и стали практически незаметными, однако их присутствие нельзя недооценивать [16, с. 29].

В последние годы особое внимание уделяется теориям коллективного действия и распределенной ответственности, где принимаемые решения и ответственность за них распределяются между человеком, цифровой инфраструктурой и профессиональными сообществами. Глобальный научный интерес направлен на попытки разрешения таких важнейших вопросов, как определение границ ответственности, установление корреляции поступков человека и решений алгоритма, проведение анализа сбоев инфраструктуры и влияния ошибок искусственного интеллекта, исследование проблемы неравногого доступа к знаниям и инструментам работы с цифровыми технологиями и ряд других.

Представления о человеке кардинально изменились в эпоху цифровизации. Особую озабоченность вызывает провоцируемая тотальной цифровизацией многозадачность, которая требуется от современного человека для ведения успешной жизнедеятельности (социальной, профессиональной, личной и т.д.). Высокая мобильность и адаптивность становятся ключевыми навыками каждого из членов цифрового общества, поскольку технологии присутствуют повсюду. В результате идентичность становится многоаспектной. При этом любая активность человека в цифровом пространстве не останется незамеченной или незафиксированной, а это накладывает дополнительные обязательства на пользователя. Контроль над собственным поведением во все большей степени обусловлен необходимостью соответствовать нормам цифровых взаимодействий, требованиям по защите данных, политике аутентификации, а также учитывать неявные правила сетевого взаимодействия, вырабатываемые автоматизированными системами управления. Также весьма спорным остается вопрос о свободе в сетевом пространстве, под которой нередко подразумевается полное отсутствие правил и границ при интернет-коммуникации, либо, напротив, несвобода воспринимается как неотъемлемый атрибут цифрового пространства из-за фиксации любой активности пользователей. При этом цифровые правонарушения и реальное наказание не всегда соотносятся между собой и нередко вызывают непонимание. Наиболее резонансными являются уголовные дела из-за комментариев,

признанных правоохранительными органами экстремистскими или призывающими к терроризму¹. В результате на первый план выходит дилемма адаптации, т.е. сохранения внутренней целостности, которое обязывает человека постоянно анализировать границы допустимого, корректировать стратегии поведения и принимать решения с учетом реакции автоматизированных фильтров, систем рекомендаций и процедур цифрового наблюдения, встроенных в инфраструктуру повседневной жизни.

Существование в цифровом пространстве принципиально меняет личность и ее характеристики, поскольку сейчас для человека имеет значение не столько его биография и оф-лайн-опыт (традиционный, не связанный с технологиями), сколько вовлеченность в цифровую среду, адаптация в ней, нахождение баланса между групповой цифровой динамикой и личным опытом, а также цифровые следы и способы передачи информации, благодаря которым устанавливается взаимосвязь между человеком и окружающей действительностью. Тем самым подлежат изменениям как внешние параметры коммуникации и каналы получения сведений, так и внутренние когнитивные и адаптационные механизмы человека, определяющие характер взаимодействия с реальностью.

Современные исследования в области философии медиа, психологии восприятия и теории информации (Маршалл Маклюэн [17] и др.) свидетельствуют о том, что технологические среды воздействуют на способы самоопределения и критерии оценки событий, тем самым сами участвуют в процессе формирования новых границ восприятия и принятия решений. Так, видимые изменения восприятия можно наблюдать вследствие появления и закрепления клипового мышления, которое характерно для активных потребителей контента в виде коротких видео и кратких сообщений, размещаемых в TikTok, Instagram Reels, Telegram-каналах. При этом требуемая от современного человека многозадачность также является собой пример изменения внутренних процессов восприятия, мышления и принятия решений. Таким образом, у человека развивается настроенность на краткосрочные решения, которые требуют быстрой мобилизации его ресурсов, но при этом теряют актуальность в течение непродолжительного времени. В таких процессах страдают в первую очередь логика, стратегическое мышление и способность к аналитике. В результате человек начинает жить краткосрочными установками.

Цифровая активность современного человека практически полностью поглощает его социальную жизнь и влияет на степень социального одобрения, которое строится преимущественно в перманентно возникающих и исчезающих виртуальных сообществах. Такое положение перегружает человека эмоционально, подвигает его соответствовать недолговременным идеалам (моде) и зависеть от критериев «социальной полноценности», также выработанных в цифровом мире [18, р. 520]. Выбор человека, от масштабного и значимого до ежедневного, становится опосредован алгоритмами. Например, это актуализируется на фоне развития рекомендательных систем YouTube, «Яндекс.Дзен» и Google Discover.

Особую озабоченность в настоящее время вызывают, в частности, введенные во врачебную практику платформы IBM Watson Health и Philips HealthSuite, на основе которых врачи принимают решения, риск от их использования по-прежнему высок². Подобные механизмы с высоким рискогенным фактором имеются также в финансовой, судебной и прочих системах. Важное место занимают личная безопасность и нарушение приватности посредством сбора биометрических данных (платформами Apple, Google и «Яндекс»), которые используются для разных целей, например, для запуска таргетированной рекламы. Ричард Талер и Касс Санстейн убеждены, что даже интерфейсы выбора на платформах государственных услуг (российских «Госуслуг» и австралийских «myGov») и корпоративных сервисах сводят возможность независимого выбора пользователя к минимуму, заранее настраивая его на заданный сценарий³.

¹ Мамаева М. «Сжечь ведьму!»: россиянку обвинили в призывах к терроризму за угрозы министру из-за масла // Газета.ru. 2025. 15 февраля. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/02/15/25096100.shtml> (дата обращения: 25.07.2025).

² Reuter E. 5 takeaways from the FDA's list of AI-enabled medical devices // Informa. 07.11.2022. URL: <https://www.medtechdive.com/news/FDA-AI-ML-medical-devices-5-takeaways/635908/> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора : как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. с англ. Е. Петровой. М. : МИФ, 2017. 237 с.

Результатом подобного скрытого давления на пользователей становится снижение возможностей их логических умозаключений и уровня критического мышления. Так создается некий продукт с признаками управляемости – «предсказуемое общество».

Несмотря на то, что ХХI в. является веком прорыва в технологиях, они по-прежнему остаются недоступными или доступными в ограниченных объемах значительной части населения в разных странах, тем самым возникает феномен цифрового неравенства. С одной стороны, эти люди лишены возможностей, которые предоставляет цифровизация; однако, с другой – они свободны от навязываемых алгоритмами решений и имеют возможность сохранить свои персональные данные, в том числе и биометрические. При этом важно все же заключить, что в настоящее время это является признаком отсталости и наличия факторов, сдерживающих развитие практически во всех областях: образовательной, карьерной, социальной и пр. Так, по данным Международного союза электросвязи (ITU), в 2023 г. примерно 2,6 млрд человек – это 33 % населения планеты – все еще не были подключены к интернету¹.

Цифровое неравенство также проявляется в том, что население дифференцируется на разработчиков (приложений, контента и прочих цифровых продуктов), которых меньшинство, и простых пользователей готовых решений, они в большинстве. Таким образом, в привилегированном положении оказываются архитекторы алгоритмов, владельцы платформ и специалисты по искусственно интеллекту, именно они определяют структуру цифровых сервисов и логику их функционирования. В свою очередь пользователи становятся своеобразным цифровым пролетариатом, потребителями, лишенными рычагов контроля или возможности реального творческого вклада [19]. У первой категории, соответственно, возможности отслеживать работу алгоритмов, защищать персональные данные, получать информацию из разных источников значительно шире. Примечательно, что уровень отставания государств в области цифровых технологий преимущественно (как и ранее в других отраслях) определяется географически. Так, наглядным является различие между государствами Евросоюза и странами Африки или Юго-Восточной Азии.

Феномен цифрового неравенства обрел глобальные масштабы и явился дополнительным фактором, усиливающим разрыв между государствами и континентами. Однако бесконтрольное пребывание в цифровом пространстве имеет серьезные недостатки, особенно в тех случаях, когда его использование не дополняет оффлайн-пространство и не направлено на расширение его возможностей, а заменяет его. В этом контексте в группе риска находятся дети и молодежь. Так, исследование Оксфордского университета выявило, что у 60 % молодых людей в возрасте 16–18 лет, использующих социальные сети 2–4 часа в день, наблюдаются симптомы тревожных и депрессивных расстройств².

Особое внимание следует уделить такому антропологическому риску, как вмешательство в некогда целостное и органичное культурное пространство, когда алгоритмы входят в культурную среду и перепрограммируют ее. Так проявляется негативное воздействие на национальный менталитет. Эти обстоятельства тем не менее являются вполне органичным продолжением глобализации, наступающей на суверенитет, национальное самосознание и государства, не желающие следовать этому сценарию мирового развития [20, с. 291]. Однако в настоящее время национальным государствам все сложнее оставаться в стороне от глобальных процессов и сохранять свою независимость, как политическую, так и технологическую [21].

На технологически зависимые страны оказывают серьезное давление транснациональные корпорации и иностранные регуляторы. Такие стратегии приводят к ограничению в выборе собственных стратегий цифрового развития, столкновению с искусственно созданными барьерами при реализации национальных образовательных, культурных и экономических программ

¹ Population of global offline continues steady decline to 2.6 billion people in 2023 // Committed to connecting the world. URL: <https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2023-09-12-universal-and-meaningful-connectivity-by-2030.aspx> (дата обращения: 30.07.2025).

² Teenage social media use strongly linked to anxiety and depression // FT.com. 13.10.2024. URL: <https://www.ft.com/content/bced2138-366b-448f-ab12-3c068199145a> (дата обращения: 30.07.2025).

и вынужденной необходимости согласовывать стандарты обработки и хранения персональных данных. Результатом такой колossalной внешней зависимости становится невозможность самостоятельно формировать цифровую повестку, снижение эффективности защиты интересов граждан и повышение уязвимости перед внешними технологическими рисками.

Заключение

Технологическое развитие является не только символом цифровой эпохи и обретения практически безграничных возможностей, но и новым витком межгосударственного противостояния. При этом, несмотря на появление новых мировых игроков (транснациональные корпорации и пр.), роль государств по-прежнему является определяющей. Именно поэтому технологическую гонку XXI в. справедливо можно считать новым видом военного противоборства, порождающего принципиально новые антропологические риски. К ним относятся и культурные, и личностные, и социальные аспекты, которые под воздействием этих рисков усугубляются.

Результатом подобного воздействия на разные сферы жизни становятся изменение человеческой природы, появление новых форм отчуждения человека от результатов собственной деятельности, возникновение неравенства, усложнение способов самоопределения и развития когнитивных моделей. Также под угрозой оказываются личная и коллективная независимости ввиду распространения алгоритмического контроля, манипуляций в цифровой среде и зависимости от внешних платформенных решений. Тем самым изучение антропологических рисков является очень актуальным и перспективным направлением дальнейших научных поисков, имеющих как теоретическую, так и практическую значимость.

Список литературы

1. Brayford K. Myth and technology: finding philosophy's role in technological change // Human Affairs. 2020. Vol. 30, iss. 4. P. 526–534. doi: [10.1515/humaff-2020-0045](https://doi.org/10.1515/humaff-2020-0045)
2. Новожилова Е. О войнах настоящего и будущего // Военная мысль. 2011. № 2. С. 2–12. EDN: [NCSXJT](#)
3. Клаузевиц К. фон. О войне : пер. с нем. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. 861 с.
4. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с.
5. Данилин И. В. Американо-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 4. С. 160–176. doi: [10.24411/2221-3279-2020-10056](https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10056) EDN: [GYRYVR](#)
6. Mumford L. The Transformations of Man. New York : Harper & Brothers Publishers, 1956. 188 p.
7. Virilio P. The vision machine. Bloomington : Indiana University Press, 1994. 81 p.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкарата. М. : Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.
9. Лузянин С. Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 2. С. 5–13. doi: [10.31857/S032150750024431-6](https://doi.org/10.31857/S032150750024431-6) EDN: [CMLJXJ](#)
10. Bratton B. H. The Stack: On Software and Sovereignty. Cambridge : MIT Press, 2015. 502 p.
11. Байнев В. Ф. Технологическая безопасность как главный стратегический приоритет союзного государства Беларусь и России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2022. № 3 (39). С. 25–33. doi: [10.37468/2307-1400-2022-3-25-33](https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-3-25-33) EDN: [EFFEJO](#)
12. Барташ А. А. «Трение» и «износ» гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 1. С. 5–13. EDN: [YNELMY](#)
13. Юдина Т. Н., Шмелев П. С. Неклассические войны: технологическая война между США и КНР за лидерство во внедрении «искусственного интеллекта» в экономику // Теоретическая экономика. 2024. № 6 (114). С. 75–89. doi: [10.52957/2221-3260-2024-6-75-89](https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-6-75-89) EDN: [CZYWBZ](#)
14. Петров М. Н., Филиппов Я. С. Технологический суверенитет: эволюция российских и зарубежных экономических моделей // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13, № 5–1. С. 305–314. doi: [10.34670/AR.2023.38.40.116](https://doi.org/10.34670/AR.2023.38.40.116) EDN: [KPLJZF](#)

15. Мощелков Е. Н. Цивилизационные войны России в XX и XXI веках: причины и следствия для экономического и технологического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 210–218. doi: [10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218) EDN: CWLEBJ
16. Пальцев А. И. «Глобальная гибридная война» как geopolитическая стратегия США // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 3 (16). С. 25–35. EDN: ZKWGLR
17. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Жуковский : Кучково поле, 2003. 464 с.
18. Wilford H. Emotional intelligence: culture, intimacy, and empire in early CIA espionage // Intelligence and National Security. 2022. No. 37 (4). P. 513–525. doi: [10.1080/02684527.2022.2065612](https://doi.org/10.1080/02684527.2022.2065612)
19. Агапова Е. А. Деструктивные «вызовы» современной цивилизации // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 89, № 6. С. 2–6. doi: [10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6](https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6) EDN: OWIAAY
20. Хейфец Б. А. Глобализация 4.0 и Россия // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218, № 4. С. 288–296. EDN: HENRPX
21. Кириченко Э. В. Контроль США над международными каналами трансфера технологий: вызовы, механизмы, тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 89–97. doi: [10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97) EDN: HCEITG

References

1. Brayford K. Myth and technology: finding philosophy's role in technological change. *Human Affair*. 2020;30(4):526–534. doi: [10.1515/humaff-2020-0045](https://doi.org/10.1515/humaff-2020-0045)
2. Novozhilova E.O. About the wars of the present and future. *Voennaya mysl' = Military Thought*. 2011;(2):2–12. (In Russ.)
3. Klausevits K. fon. *O voine = On war*. Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Midgard, 2007:861. (In Russ.)
4. Hobbes T. *Leviathan*. Moscow: Mysl', 2001:478. (In Russ.)
5. Danilin I.V. The US-China technological war: risks and opportunities for China and the global tech sector. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics*. 2020;11(4):160–176. (In Russ.) doi: [10.24411/2221-3279-2020-10056](https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10056)
6. Mumford L. *The Transformations of Man*. New York: Harper & Brothers Publishers, 1956:188.
7. Virilio P. *The vision machine*. Bloomington: Indiana University Press, 1994:81.
8. Kastells M. *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kultura = The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2000:606. (In Russ.)
9. Luzyanin S.G. China – USA: Model 2023. “Managed conflict” or global split? *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa Today*. 2023;(2):5–13. (In Russ.) doi: [10.31857/S032150750024431-6](https://doi.org/10.31857/S032150750024431-6)
10. Bratton B.H. *The Stack: On Software and Sovereignty*. Cambridge: MIT Press, 2015:502.
11. Bainev V.F. Technological security as the main strategic priority of the Union State of Belarus and Russia. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*. 2022;(3):25–33. (In Russ.) doi: [10.37468/2307-1400-2022-3-25-33](https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-3-25-33)
12. Bartosh A.A. Friction and wear of hybrid warfare. *Voennaya mysl' = Military Thought*. 2018;(1):5–13. (In Russ.)
13. Yudina T.N., Shmelev P.S. Non-classical wars: the technological war between the United States and China for leadership in the implementation of “artificial intelligence” in the economy. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economics*. 2024;(6):75–89. (In Russ.) doi: [10.52957/2221-3260-2024-6-75-89](https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-6-75-89)
14. Petrov M.N., Filippov Ya.S. Technological sovereignty: the evolution of Russian and foreign economic models. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2023;13(5-1):305–314. (In Russ.) doi: [10.34670/AR.2023.38.40.116](https://doi.org/10.34670/AR.2023.38.40.116)
15. Moschelkov E.N. Civilizational wars in Russia in the 20th and 21st centuries: causes and consequences for economic and technological development. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6):210–218. (In Russ.) doi: [10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218)
16. Paltsev A.I. “Global hybrid war” as a geopolitical strategy of the United States. *Gumanitarnye problemy voennogo dela = Humanitarian Problems of Military Affairs*. 2018;(3):25–35. (In Russ.)
17. Maklyuen M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka = Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow; Zhukovskiy: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2003:464. (In Russ.)
18. Wilford H. Emotional intelligence: culture, intimacy, and empire in early CIA espionage. *Intelligence and National Security*. 2022;(37):513–525. doi: [10.1080/02684527.2022.2065612](https://doi.org/10.1080/02684527.2022.2065612)

19. Agapova E.A. Destructive “challenges” of modern civilization. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2021;89(6):2–6. (In Russ.) doi: [10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6](https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6)
20. Kheifets B.A. Globalizatsiya 4.0 i Rossiya. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia*. 2019;218(4):288–296. (In Russ.)
21. Kirichenko E.V. US control over international technology transfer channels: challenges, mechanisms, trends. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2021;65(7):89–97. (In Russ.) doi: [10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97)

Информация об авторе / Information about the author

A. A. Kovalev – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

A.A. Kovalev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, North-Western Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 57/43 Sredny prospekt V.O., St. Petersburg, 199178. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 04.08.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.09.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025